

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ефимов Е.А., Кудрявцева Т.Ю. Измерение социально-экономического развития регионов: от классических подходов к цифровому социальному скорингу // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.4.75673 EDN: SHZFVO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75673

Измерение социально-экономического развития регионов: от классических подходов к цифровому социальному скорингу

Ефимов Евгений Александрович

ORCID: 0000-0001-8177-1082

аспирант; институт промышленного менеджмента, экономики и торговли; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Главный специалист; Дирекция корпоративного кредитования; ПАО "Банк "Санкт-Петербург"

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29 литер Б

 evg.efimov97@gmail.com

Кудрявцева Татьяна Юрьевна

ORCID: 0000-0003-1403-3447

доктор экономических наук

профессор; институт промышленного менеджмента, экономики и торговли; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29 литер Б

 kudryavtseva_tyu@spbstu.ru

[Статья из рубрики "Система и взаимодействия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.4.75673

EDN:

SHZFVO

Дата направления статьи в редакцию:

26-08-2025

Дата публикации:

02-09-2025

Аннотация: Предмет исследования охватывает теоретические и прикладные основы

оценки социально-экономического благополучия регионов с использованием традиционных и инновационных подходов. Анализ сосредоточен на выявлении ограничений классических индикаторов, таких как валовой региональный продукт, уровень доходов и демографические характеристики, которые не в полной мере отражают субъективное восприятие качества жизни населением. В рамках исследования рассматриваются международные индексы (Social Progress Index, Happy Planet Index, World Happiness Report), а также российские практики комплексной оценки (рейтинги РИА «Новости», «Эксперт РА»), что позволяет выявить их сильные и слабые стороны. Дополнительный акцент сделан на возможности использования цифровых данных и методов обработки естественного языка, включая сентимент-анализ текстов, для интеграции субъективных оценок и общественных настроений в систему мониторинга. Методология исследования основана на применении методов критического анализа и сравнительного обзора научной литературы, обобщения концепций «экономики счастья» и интегральных индексов, на использовании междисциплинарного подхода, позволяющего сопоставлять традиционные индикаторы и цифровые методы оценки благополучия. Научная новизна заключается в систематизации теоретических школ и индексов, ориентированных на измерение благополучия, в обосновании необходимости интеграции субъективных цифровых индикаторов в традиционные модели мониторинга социально-экономического развития регионов. Новизна проявляется также в акценте на применении методов computational social science, включая автоматизированный анализ текстов, как перспективного направления для повышения чувствительности и оперативности мониторинга. Предложенный подход расширяет существующую практику, позволяя не только фиксировать объективные показатели, но и учитывать динамику общественных настроений, что меняет систему оценки благополучия в сторону большей полноты и комплексности. Выводы: классические показатели (ВРП, доходы) ограниченно отражают уровень жизни, а международные и российские рейтинги, несмотря на комплексность, остаются статичными и запаздывают по времени. Использование цифровых индикаторов социального скоринга позволяет формировать более оперативный и репрезентативный мониторинг. Они объединяют экономические, социологические и цифровые подходы, обеспечивая более точную диагностику регионального развития и создавая инструмент для поддержки стратегических решений в сфере региональной политики.

Ключевые слова:

социально-экономическое развитие, благополучие регионов, индекс счастья, устойчивое развитие, цифровые следы, сентимент-анализ, социальный скоринг, региональная экономика, большие данные, общественные настроения

Введение. Измерение социально-экономического благополучия регионов является важнейшей задачей для государственной политики и науки. Традиционно уровень развития регионов оценивали по экономическим показателям – валовому региональному продукту (ВРП) на душу населения, уровню доходов, объему промышленного производства и др. Однако одного экономического роста недостаточно для описания качества жизни и удовлетворенности населения. В XXI веке всё более очевидно, что социальный прогресс требует учета комплексных факторов: распределения благ, состояния социальной сферы, уровня экологии и даже субъективного самочувствия людей. В связи с этим возникает потребность в новых индикаторах, выходящих за рамки классических статистических показателей.

Актуальность темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, сохраняется высокая дифференциация регионов по уровню жизни и социальным условиям, что требует адекватных методов мониторинга для выработки региональной политики [1]. Во-вторых, усилилась критика ВВП и аналогичных индикаторов как неполных мер благополучия: они не отражают неравенство, экологические издержки, качество социальных связей [2]. В-третьих, в последние десятилетия появилось новое направление исследований – «экономика счастья», фокусирующаяся на субъективном благополучии граждан как цели развития [3]. Наконец, бурное развитие цифровых технологий открыло доступ к массивам цифровых следов (данных социальных сетей, интернет-активности), которые могут служить ценным источником информации о реальном состоянии общества и настроениях населения в режиме реального времени [4].

Цель исследования заключается в анализе эволюции теоретических и методологических подходов к оценке социально-экономического благополучия регионов и выявлении ограничений традиционных индикаторов, а также в обосновании перспектив внедрения социального скоринга на основе цифровых данных и методов сентимент-анализа как дополнения к существующим интегральным индексам.

Классические школы региональной экономики (У. Айсард, М. Портер, П. Кругман). Как самостоятельное направление экономической науки региональная наука оформилась во второй половине XX века благодаря работам таких исследователей, как Уолтер Айсард. В 1950-х гг. Айсард заложил основы количественного пространственного анализа, описав модели размещения производств и расселения. В своих классических трудах "Location and Space-Economy" (1956) и "Methods of Regional Analysis" (1960) Айсард показал, как затраты на транспорт, наличие трудовых ресурсов и эффект агломерации влияют на экономическое развитие территории. Его работы фактически основали новую дисциплину – региональную науку, интегрировавшую методы экономики, географии и планирования для исследования регионального развития [5].

Важным вкладом в понимание региональной конкурентоспособности стали труды Майкла Портера по теории кластеров и конкурентных преимуществ территорий. Портер обосновал, что экономический успех региона определяется не только факторами производства, но и способностью предприятий объединяться в кластеры, извлекая выгоду из близости друг к другу (*shared advantages*). В работе «Конкурентное преимущество наций» (1990) он показал, что кластеризация отраслей усиливает инновации и продуктивность, а региональная политика должна стимулировать формирование кластеров. Идеи Портера нашли применение во многих странах при разработке стратегий регионального развития, нацеленных на поддержку локальных «точек роста» [6].

Новая экономическая география, оформленная в 1990-е благодаря работам Пола Кругмана, добавила макроэкономический и пространственный контекст к анализу регионального благополучия. Кругман показал, как при снижении торговых барьеров и транспортных издержек производство склонно концентрироваться в немногих центрах, что приводит к формированию экономически сильных и отстающих регионов. Его модель с учетом возрастающей отдачи от масштаба и эффекта агломерации объясняет, почему богатство распределено по территории неравномерно. Классическая статья Кругмана (1991) о «возвращении экономической географии» демонстрирует, что на ранних этапах индустриализации небольшие преимущества региона (например, больший рынок сбыта)

способны самоукрепляться, притягивая бизнес и трудовые ресурсы. Такие идеи заложили теоретическую основу для последующего анализа региональных диспропорций и политики выравнивания развития [7].

Отечественная регионалистика (Н. Н. Колосовский, Н. Д. Кондратьев, Н. В. Зубаревич). В советской и российской научной школе накоплен богатый опыт исследования регионального развития. Еще в середине XX века географ Николай Колосовский сформулировал концепцию территориально-производственных комплексов (ТПК) – группировки предприятий различных отраслей в пределах экономического района, связанные общим производственным циклом. Колосовский разработал сетку экономического районирования СССР, выделив 26 крупных экономических районов с учетом специализации и кооперации производства. Его теория ТПК и экономического районирования заложила основу советской региональной политики, ориентированной на комплексное развитие производительных сил в различных частях страны [8]. Идеи Колосовского, наряду с трудами Н. Н. Баранского, определили методологию отечественной экономической географии на десятилетия вперед.

Имя Николая Кондратьева более известно по теории «длинных волн», однако его наследие также важно для понимания социально-экономических циклов, влияющих на регионы. Кондратьев выявил циклические колебания длительностью 40–60 лет, в течение которых периоды экономического подъема сменяются спадом. Эти структурные циклы отражаются и на региональном уровне: в фазах роста обычно ускоряется развитие промышленных центров, возрастает занятость, тогда как в депрессивные периоды усиливается отток населения из периферийных регионов, увеличивается разрыв между лидерами и аутсайдерами. Хотя сам Кондратьев прямо не разрабатывал региональную тематику, его идеи стимулировали исследования территориальных аспектов экономических циклов и кризисов [9]. Например, в постсоветской России прослеживается «волна» 2000-х годов, когда сырьевые регионы бурно росли, затем их рост замедлился после 2014 г., что вписывается в логику циклов Кондратьева.

Современная российская регионалистика представлена в том числе работами Натальи Зубаревич, анализирующей социально-экономическое положение регионов России и сильное межрегиональное неравенство. Зубаревич предложила концепцию «четырех Россий», разделив регионы РФ на несколько групп по уровню развития: 1) крупнейшие столичные агломерации, 2) среднеразвитые индустриальные регионы, 3) депрессивные сельскохозяйственные и 4) наиболее отсталые, зависимые от бюджетных трансфертов. В своих исследованиях (в том числе монографии «Регионы России: неравенство, кризис, модернизация») Зубаревич показывает, что разрыв между богатыми и бедными регионами в России сохраняется высоким. Она обосновывает необходимость дифференцированной региональной политики: поддержка точек роста в развитых территориях и адресная помощь депрессивным регионам, а также выравнивание доступа населения к базовым услугам в сфере образования, здравоохранения [10]. Труды Зубаревич соединяют статистический анализ (ВРП, доходы, безработица, бюджетная обеспеченность) с социологическим взглядом на регионы, учитывая качество институтов и социальный климат. Это отражает общую тенденцию отечественной науки – переход от сугубо экономических показателей к более комплексным индикаторам благополучия регионов, включая социальные и человеческие факторы.

Современные направления: устойчивое развитие и цифровизация. В мировом научном дискурсе последних десятилетий заметны два больших тренда, влияющие на подходы к измерению регионального благополучия. Первый – концепция устойчивого

развития, получившая распространение после доклада ООН (Комиссия Брундтланд, 1987) и принятия Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН^[11]. Устойчивое развитие подразумевает сбалансированный учёт экономических, социальных и экологических аспектов прогресса. Это привело к включению в системы индикаторов таких показателей, как качество окружающей среды, углеродный след, сохранение природных ресурсов, равный доступ к благам развития. Применительно к регионам концепция устойчивая развития означает, что успех региона больше не может определяться лишь ростом ВРП – важно учитывать, достигается ли этот рост без ущерба для природы и сопровождается ли он повышением качества жизни всех слоёв населения^[12]. Например, в России разработаны региональные индексы экологической устойчивости, рассчитывается «зелёный ВРП», корректирующий выпуск на величину экологических потерь. В международных рейтингах качества жизни (таких как индекс Prosperity) тоже присутствуют компоненты, связанные с экологией и безопасностью среды проживания^[13].

Второй важный тренд – цифровизация экономики и общественной жизни – повлиял не только на сами процессы развития регионов, но и на инструменты их анализа. Цифровизация ведёт к появлению новых источников данных («большие данные») и новых методов оценки^[14]. Так, в последние годы исследователи все чаще используют цифровые следы населения – данные мобильной связи, поисковых запросов, активности в социальных сетях – чтобы измерять скрытые ранее аспекты благополучия. Показатели цифрового развития (уровень интернет-проникновения, цифровые навыки, доступность электронных услуг) становятся частью характеристики регионов^[15]. Кроме того, методы искусственного интеллекта и анализа больших данных позволяют извлекать полезную информацию из неструктурированных источников – например, по текстам сообщений граждан можно оценивать уровень социальной напряжённости или удовлетворенности качеством городской среды^[16]. Пандемия COVID-19 особенно стимулировала такие подходы, когда оперативный мониторинг социальных настроений осуществлялся через анализ соцсетей.

В целом, современная парадигма измерения благополучия регионов смещается к комплексным и гибким системам индикаторов, которые сочетают объективные статистические данные и субъективные оценки, учитывают текущие вызовы (неравенство, экология, здоровье, цифровое разделение) и используют новые данные в реальном времени. Это создает основу для более точной диагностики проблем регионального развития и более адресной политики.

Методологические ограничения традиционных индексов развития регионов

Традиционные показатели – такие как ВРП на душу населения, средний доход или объем промышленного производства – давно служат мерилами экономического успеха региона. Однако их методологические ограничения стали предметом широкого обсуждения. Во-первых, агрегированные экономические индикаторы не отражают неравенство и структуру распределения благосостояния. Рост ВРП может сопровождаться концентрированием доходов у узкой группы, тогда как большая часть населения не почувствует улучшений. Во-вторых, классические индикаторы игнорируют экологические эффекты и истощение ресурсов: регион может показывать высокие темпы роста за счёт эксплуатации природных богатств, но это неустойчиво в долгосрочной перспективе. В-третьих, многие важные аспекты жизни вообще не попадают в поле зрения ВРП и подобных показателей – это качество здоровья, образование, безопасность, социальный

капитал и др. ВВП учитывает рыночные транзакции, но не оценивает, например, уровень преступности или качество окружающей среды, хотя они прямо влияют на благополучие людей [17].

Как отмечает комиссия под руководством Дж. Стиглица, А. Сена и Ж. Фитусси (Доклад «Измерение экономического прогресса и социального развития», 2009), при расчёте ВВП не учитываются такие факторы, как экономическое неравенство и ущерб окружающей среде, поэтому этот индикатор не дает надежной оценки благосостояния общества [18]. Стиглиц образно назвал увлечение ВВП «фетишизмом», подчеркнув, что «ВВП не является неверным сам по себе, но неправильно используется». Ключевые проблемы применения ВРП/ВВП в качестве индикатора качества жизни можно резюмировать так:

- Неучет нерыночной деятельности: домашний труд, воспитание детей, волонтёрство – всё, что не имеет цены на рынке, выпадает из ВВП, хотя вносит вклад в благополучие. Аналогично, ВВП не отражает объем неформальной взаимопомощи, уровень доверия в обществе, благотворительность и другие проявления социального капитала.
- Игнорирование человеческого капитала: Статистика ВРП не показывает состояние здоровья, образованности населения, хотя эти факторы критически важны для настоящего и будущего благополучия. Например, два региона с равным ВРП могут сильно различаться по ожидаемой продолжительности жизни и уровню грамотности.
- Сложность интерпретации расходов: ВВП растет и от позитивных, и от негативных событий. Расходы на ликвидацию последствий аварий или болезней повышают ВРП, хотя по сути отражают издержки, снижающие качество жизни. Защитные расходы (например, затраты на безопасность, на экологическую очистку) учитываются как вклад в продукт, хотя лишь компенсируют неблагоприятные влияния.
- Отсутствие качественных измерений: ВРП – количественный показатель, не дающий информации о том, насколько люди удовлетворены жизнью, чувствуют ли они себя счастливыми и уверенными в будущем. Рост доходов в регионе может сопровождаться, например, ростом стресса или ухудшением Work-Life баланса, но этого не увидишь через статистику доходов.
- Неустойчивость как слепое пятно: Классические индексы почти не учитывают, какой ценой достигается рост – исчерпываются ли невосполнимые ресурсы, наносится ли вред климату. В долгосрочном плане регион, наращивающий ВРП за счет хищнического использования природы, может оставить население без средств к существованию.

Совокупность этих ограничений привела к тому, что исследователи и политики стали искать альтернативы ВВП. Во многих странах официальные статистические службы параллельно с ВРП рассчитывают индикаторы качества жизни, индексы человеческого развития, индексы жизненной удовлетворенности и др. Например, индекс человеческого развития (ИЧР), предложенный группой М. Хака и А. Сена, вводит три компонента: долголетие, образованность и уровень жизни. ИЧР широко применяется на национальном уровне, а в России с 1990-х ежегодно публикуются его значения для регионов, что позволяет сравнивать субъекты РФ не только по экономике, но и по человеческому потенциалу [19]. Другой пример – индекс качества жизни Economist Intelligence Unit (публиковался в 2005, 2013 гг.), который сочетает субъективные оценки с объективными показателями для сравнения стран [20]. Тенденция ясна: благополучие – многомерная категория, требующая набора разноплановых измерителей.

Для регионального уровня это означает необходимость разрабатывать интегральные индексы, которые были бы более чувствительными к социальным реалиям и отражали бы не только совокупный экономический выпуск, но и распределение и качество этого выпуска для населения. Традиционные статистические данные остаются важными – ВРП, доходы, производительность труда и т.д. дают базовое представление об экономике региона. Но опираться исключительно на них при оценке благополучия уже недостаточно: легко упустить из виду нарастающее социальное недовольство или ухудшение качества жизни, если они маскируются формальным ростом экономики. Именно такая ситуация наблюдалась во многих развитых странах к 2000-м годам, что и стимулировало интерес к «индикаторам счастья».

Школы и индексы «экономики счастья» (Р. Истерлин, Р. Лейард, Б. Фрей, SPI, HPI, OECD BLI, World Happiness Report) В 1970-е годы экономист Ричард Истерлин поставил под сомнение прямую связь между ростом материального достатка и уровнем счастья людей. В своем знаменитом исследовании он обнаружил, что в краткосрочном периоде внутри одной страны более богатые люди действительно в среднем счастливее бедных, но в долгосрочном плане рост доходов всего общества не ведет к пропорциональному росту среднего уровня счастья. Этот вывод, получивший название парадокса Истерлина, показал: после достижения некоего порога насыщения дальнейшее увеличение дохода дает все меньшую прибавку к удовлетворенности жизнью. Истерлин объяснил явление эффектами социального сравнения и адаптации: люди оценивают свою успешность относительно окружающих, поэтому при общем росте богатства относительные различия остаются, и общее ощущение благополучия общества не меняется. Кроме того, люди привыкают к возросшим доходам (эффект «гедонистической адаптации»), возвращаясь со временем к исходному уровню счастья [21]. Таким образом, бесконечный экономический рост не гарантирует бесконечного роста удовлетворенности. Это открытие подтолкнуло экономистов искать новые индикаторы развития, ориентированные непосредственно на человеческое благополучие.

Вслед за Истерлином появились многочисленные исследования в области economics of happiness. Бруно Фрей, Алоис Штутцер, Эндрю Освальд, Ричард Лейард – одни из ведущих ученых, обосновавших необходимость учитывать субъективное благополучие наряду с классическими показателями. Например, Ричард Лейард в книге «Happiness: Lessons from a New Science» (2005) популярно изложил идею, что целью государственной политики должно стать повышение счастья граждан, а не только рост ВВП. Он выделил ключевые факторы, влияющие на уровень счастья: помимо дохода, это психическое здоровье, отношения в семье и на работе, чувство безопасности и доверия, свобода и альтруизм. Лейард показал, что депрессия и беспокойства наносят экономике ущерб не меньший, чем безработица, и призвал перераспределить приоритеты политики в сторону улучшения психологического благополучия населения [22]. Бруно Фрей в ряде работ (2002, 2010) продемонстрировали влияние институциональных условий на счастье: например, граждане стран с развитой демократией и высоким уровнем доверия к властям в среднем более удовлетворены жизнью. Их вывод – демократия и участие населения в управлении позитивно сказываются на субъективном благополучии, что следует учитывать при оценке развития [23]. Таким образом, школа «экономики счастья» расширила список факторов развития, включив в него качество институтов, социальный климат, психологическое состояние общества, и тем самым подготовила почву для появления новых индексных систем.

Под влиянием этих идей стали создаваться **альтернативные индексы** прогресса,

стремящиеся измерить то, что не отражают ВВП и доходы. Один из примеров – маленькое государство Бутан, которое ещё в 1970-е выдвинуло концепцию «валового национального счастья» (Gross National Happiness, GNH) вместо валового продукта. Индикатор GNH включает целый ряд параметров: психологическое благополучие, здоровье, образование, культурное наследие, экология, качество управления и др. Пример Бутана вдохновил мировое сообщество: по линии ООН в 2011 г. была принята резолюция, призывающая страны измерять счастье своего населения и использовать эти данные для политики [24].

В 2012 году вышел первый Всемирный доклад о счастье (World Happiness Report), подготовленный по инициативе ООН и Sustainable Development Solutions Network. С тех пор World Happiness Report (WHR) стал выходить ежегодно, предоставляя рейтинг стран по уровню удовлетворенности жизнью граждан. Основой служат данные глобальных опросов Gallup, где респондентам предлагают оценить свою жизнь по шкале от 0 до 10 (лестница Кантрила). В докладе также анализируются факторы, коррелирующие с вариациями счастья: обычно выделяют около шести ключевых показателей – доход (ВВП на душу населения), социальная поддержка (на кого можно положиться), ожидаемая продолжительность здоровой жизни, свобода жизненного выбора, щедрость (благотворительность) и отсутствие коррупции. Хотя индекс счастья в WHR основан на субъективных оценках, его признание очень широко: он демонстрирует, что странам важно стремиться не только к богатству, но и к увеличению удовлетворенности граждан. Интересно, что лидерами рейтинга счастья неизменно оказываются не самые богатые, а те, где сочетание доходов, социальных связей и доверия высокое (например, Норвегия, Дания, Финляндия в последние годы занимают верхние строчки).

Помимо WHR, появилось множество композитных индексов благополучия. Отметим некоторые из них:

- Social Progress Index (SPI) – интегральный индекс социального прогресса, предложенный группой во главе с М. Портером в 2014 г. SPI полностью исключает экономические показатели, фокусируясь на социальных и экологических результатах. Он строится по трем основным блокам: базовые человеческие нужды (питание, медицинская помощь, жилище, безопасность), основа благополучия (доступ к образованию, информации, здоровый образ жизни, состояние окружающей среды) и возможности (права человека, свобода выбора, толерантность, доступ к высшему образованию). Всего используется около 50 индикаторов. Таким образом, SPI пытается измерить качество жизни и возможностей в обществе более комплексно, чем это делает ВВП. Его идея – оценить способность страны (или региона) удовлетворить не только материальные потребности граждан, но и обеспечить условия для самореализации при достойном качестве среды [25]. По сути, SPI – это индекс общественного развития, дополняющий картину экономических показателей.
- Happy Planet Index (HPI) – «Индекс счастливой планеты», предложенный британским исследовательским центром New Economics Foundation (NEF) в 2006 г. Этот индекс любопытен тем, что связывает субъективное благополучие с экологической устойчивостью. Формула HPI включает три компонента: субъективная удовлетворенность жизнью, ожидаемая продолжительность жизни и экологический след (количество природных ресурсов, потребляемых на человека). Индекс рассчитывается как произведение удовлетворенности и долголетия, деленное на показатель экологического следа. Таким образом, высокий HPI у тех стран, где люди живут долго и счастливо, но при этом не «потребляют» природу сверх меры. Идеология HPI – показать, какие страны

достигают благополучия наиболее эффективно с точки зрения использования ресурсов. Обычно в топе HPI оказываются государства Латинской Америки (Коста-Рика, Колумбия и др.), сочетающие относительно невысокий уровень потребления с высокой продолжительностью жизни и позитивным настроем граждан. HPI бросает вызов традиционным метрикам развития, указывая, что цель – не просто богатство, а долгая и счастливая жизнь в гармонии с природой [\[26\]](#).

– OECD Better Life Index (BLI) – «индекс лучшей жизни», разработанный Организацией экономического сотрудничества и развития. Запущен в 2011 году, BLI охватывает 11 сфер благополучия: жилье, доход, работа, сообщество, образование, окружающая среда, гражданская активность, здоровье, субъективное благополучие, безопасность и баланс работы/отдыха. Особенность BLI в том, что он интерактивный: на сайте OECD каждый пользователь может сам задать значимость разных сфер для себя, и индекс пересчитывается под эти веса. Так популяризируется идея, что оценка качества жизни – субъективна, разным обществам важны разные вещи. BLI стал частью более широкой инициативы OECD «Измерение прогресса общества», в рамках которой выпускается регулярный доклад *How's Life?* (с 2011 г.), где собираются показатели по всем указанным 11 направлениям. Для регионов ряда стран OECD рассчитываются аналогичные индексы (OECD Regional Well-Being). BLI и смежные проекты отражают консенсус среди развитых стран: необходимо иметь набор индикаторов благополучия, и по ним мониторить прогресс, а не считать только рост экономики [\[27\]](#).

Кроме этих, можно упомянуть индексы счастья ООН, Gallup Well-Being Index, Индекс лучшей страны (Good Country Index) и др. – разнообразие индексов велико. Каждый из них старается схватить измерением какую-то грань общественного прогресса, часто упущенную в традиционных показателях. Например, индекс счастья ООН (World Happiness Index) фокусируется на эмоциональных и оценочных компонентах; Good Country Index измеряет вклад страны в общее благо человечества; Индекс социальных настроений может фиксировать уровень оптимизма/пессимизма населения [\[28\]](#).

Для нашего исследования важно, что концепции и индексы «экономики счастья» существенно влияют на подходы к измерению регионального развития. Многие из названных индикаторов сначала появились на национальном уровне, но затем начали адаптироваться и для регионов внутри стран. Так, в ряде государств публикуются «рейтинги счастья» провинций или областей, рассчитываются индексы качества жизни городов с учетом удовлетворенности населения. Это логично: субъективное благополучие позволяет уловить то, что чувствуют люди «на местах», и может значительно различаться от среднего по стране. Если, например, уровень удовлетворенности жизнью в депрессивном регионе существенно ниже, чем в столице, то среднее по стране может скрывать эту разницу. Поэтому для справедливой региональной политики нужны индикаторы счастья именно по регионам.

В России систематические исследования субъективного благополучия регионов пока немногочисленны, но интерес к ним растет. Проводятся опросы жизненной удовлетворенности по субъектам РФ (например, исследование Финансового университета при Правительстве РФ), появляются работы, где индекс счастья считают на основе соцопросов и сравнивают его с ВРП и другими показателями по регионам. Российская наука постепенно интегрирует подходы экономики счастья в анализ региональных диспропорций. Это создает предпосылки для развития новых методов мониторинга, в частности с опорой на большие данные, о чём речь пойдет далее.

Российская практика интегральных индексов развития регионов (РИА, «Эксперт РА», Росстат). В Российской Федерации за последние два десятилетия сформировались собственные подходы к комплексной оценке социально-экономического положения регионов. Помимо официальных статистических показателей, стали публиковаться интегральные рейтинги регионов, которые сводят в один индекс множество параметров развития.

Одним из авторитетных и регулярно публикуемых показателей социально-экономического благополучия является рейтинг регионов по качеству жизни, выпускаемый Центром экономических исследований «РИА Рейтинг» медиагруппы «Россия сегодня». В 2024 году представлен уже тринадцатый выпуск данного рейтинга, включающий 66 объективных индикаторов, охватывающих такие аспекты, как доходы и благосостояние населения, занятость и рынок труда, демографическая ситуация, безопасность, жилищные условия, доступность социальных услуг (образование, здравоохранение), экологические условия, транспортную и социальную инфраструктуру, а также развитие экономики и малого бизнеса. В рейтинге-2024 лидерами остаются Москва, Санкт-Петербург и Московская область, со сводным баллом, превышающим 80 из 100 возможных. Следующие за ними места в первой десятке занимают Краснодарский край, Республика Татарстан, Ленинградская область, Ростовская область и Калининградская область. В аутсайдерах — регионы Северного Кавказа и Сибири, включая Республику Тыва, Ингушетию и Еврейскую автономную область. Состав первой десятки по сравнению с предыдущим периодом остаётся устойчивым, что свидетельствует о стабильности рейтинговых позиций ведущих субъектов. При этом в 2024 году рейтинг вырос в большинстве регионов, среднее значение по стране увеличилось до 55,52 (против 53,47 в 2023). Ценность рейтинга заключается в его публичности и полноте охвата: он используется как ориентир для региональных властей и общества, позволяя выявить лучшие и слабые стороны регионов. При этом ни один субъект РФ не занимает лидирующую, или, наоборот, аутсайдерскую позицию по всем включённым показателям одновременно, что подчёркивает необходимость дифференцированного подхода и обмена лучших практик между регионами [\[291\]](#).

Еще один пример – интегральные индексы, рассчитываемые рейтинговым агентством «Эксперт РА». Эта организация известна своими рейтинговыми продуктами, в том числе в региональной тематике. В 2019–2020 годах «Эксперт РА» совместно с фондом «Росконгресс» представил исследование «Экономическое здоровье российских регионов», где предложен интегральный индекс экономического здоровья. В рамках этого индекса субъекты РФ оценивались по трем группам показателей: (1) финансовое благополучие населения (доходы, уровень бедности, безработица, инфляция и др.), (2) состояние регионального бизнеса (объем инвестиций, количество эффективных компаний, развитие малого предпринимательства, ввод жилья как косвенный индикатор спроса), (3) стабильность бюджета (долговая нагрузка региона, исполнение бюджета, налоговая база). Полученный интегральный балл позволил разделить регионы на группы «здоровых», «с удовлетворительным здоровьем» и т.д. В 2019 г. лидерами оказались традиционно сильные регионы: Москва, Санкт-Петербург, богатые сырьевые области (Тюменская, Сахалинская и др.). Исследование показало, что большинство регионов улучшили позиции по сравнению с предыдущим годом, однако сохраняется высокая дифференциация уровней развития [\[301\]](#). Важна методическая новизна этого индекса – он сфокусирован именно на экономических аспектах благополучия, и может дополнять более широкий социальный рейтинг РИА.

Официальная статистика (Росстат) также предпринимает шаги к интегральной оценке.

Хотя Росстат напрямую не публикует сводный «индекс благополучия», в его материалах присутствуют комплексные показатели. Например, индекс человеческого развития по регионам РФ рассчитывался в аналитических докладах Программы развития ООН, используя данные Росстата. Также вычисляются индексы дифференциации доходов, индексы бедности, интегральные показатели уровня жизни (иногда внутри научных исследований на основе росстатовских данных). Росстат выпускает ежегодник «Регионы России. Социально-экономические показатели», где помимо экономики приведены показатели здравоохранения, образования, условий жизни, загрязнения среды – своего рода дашборд по региону, который может быть основой интегральной оценки. В последние годы по инициативе правительства разрабатываются индексы качества жизни населения регионов, индексы цифрового развития регионов и пр., используя большие наборы показателей. Например, Аналитический центр при Правительстве РФ в 2018 г. предлагал интегральный индекс качества жизни, включающий 70+ показателей (аналогично рейтингу РИА). В национальных проектах появились целевые интегральные индикаторы (например, индекс человеческого капитала региона в проекте «Демография») [\[31\]](#).

Таким образом, в России сложилась практика рейтингов регионов по совокупности параметров. Их значение трудно переоценить: простое ранжирование стимулирует субъектов Федерации принимать меры для повышения своих позиций, что приносит реальную пользу населению. В то же время существующие индексы в основном опираются на традиционные статистические данные. Новые подходы (как в мировых индексах счастья) – с включением данных опросов или цифровых следов – только начинают внедряться. Например, Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата, курируемый Агентством стратегических инициатив (АСИ), строится на основе опросов предпринимателей наряду со статистикой. Подобный гибридный подход может быть расширен и на сферу общего благополучия населения.

У российской региональной аналитики есть прочный «статистический» фундамент и ряд интегральных методик, но есть и пространство для развития. Особенно перспективно дополнить существующие индексы данными о субъективных оценках граждан или данными, косвенно отражающими качество жизни (например, миграционный приток/отток как «голосование ногами» за привлекательность региона). Дальнейший шаг – использование больших данных из интернета, о чём речь пойдет ниже.

Выводы. Проведенный обзор показал, что в научном сообществе накоплен значительный теоретический задел для переосмысления измерения благополучия регионов. Классические экономические школы обосновали важность пространственного анализа и конкурентных преимуществ территорий. «Экономика счастья» убедительно доказала необходимость прямого учета субъективного благополучия людей при оценке развития. Международная практика дала примеры интегральных индексов, охватывающих разнообразные аспекты качества жизни – от здоровья и образования до безопасности и экологии. Российские исследования подтвердили, что одних показателей ВРП и доходов недостаточно: регионы с схожим ВРП могут радикально различаться по уровню жизни населения. Также выявлено, что при движении от экономики к социальным показателям (образование, здоровье) разброс между регионами часто сокращается за счет компенсирующих эффектов перераспределения и различий стоимости жизни. Это означает, что интегральные показатели социального благополучия сглаживают чисто экономическое неравенство и дают более оптимистичную картину динамики.

В то же время, современные вызовы – такие как ускоряющаяся цифровизация общества – требуют обновления инструментов мониторинга. Социальный скоринг на основе цифровых следов населения представляет собой перспективное направление, дополняющее классические подходы. Под социальным скорингом понимается интегральная оценка социально-экономического положения территории, получаемая с привлечением данных о поведении и настроениях людей в цифровой среде. Например, анализ контента соцсетей и интернет-поисков может дать оперативные индикаторы уровня удовлетворенности услугами, тревожности населения, доверия к властям и т.п. Такие индикаторы можно обновлять в реальном времени, тогда как официальная статистика запаздывает на месяцы и годы. Наш обзор литературы свидетельствует, что пока практическая реализация социального скоринга для регионов находится на начальной стадии. Есть частные наработки в финансах (кредитный скоринг) или образовании (рейтинг вузов, регионов по ЕГЭ), но комплексного социального скоринга регионов еще нет [32]. Исследователи отмечают фрагментарность работ и недостаток методик, учитывающих региональную специфику, социальные настроения и субъективные оценки населения.

Таким образом, научный и методологический анализ указывает на следующую нишу для развития: создать интегральный индекс (скоринг), который бы объединил статистические индикаторы развития и данные из цифровой среды (в частности, результаты сентимент-анализа текстов из соцсетей, форумов и др.). Такой подход позволит повысить чувствительность и точность оценки текущего состояния общества. Цифровые следы выступают как индикатор общественных настроений, степень удовлетворенности политикой, наличие социальных напряжений, которые не всегда сразу отражаются в официальных цифрах. Включение их в мониторинг даст более раннее обнаружение проблем или, наоборот, позитивных изменений.

Заключение. Идеи и результаты, рассмотренные в статье, формируют серьезный научный задел для разработки новой методики оценки благополучия регионов. Предложенная методика – социальный скоринг – будет опираться на междисциплинарный подход, сочетающий экономический анализ с методами computational social science. Вклад предлагаемого подхода в развитие региональной экономики состоит в том, что он вносит в инструментарий региональной политики качественно новую информацию: «голос» самих жителей, выраженный через их цифровую активность. Это соответствует глобальному тренду на повышение участия граждан и учета их мнения в управлении развитием территории. Кроме того, новая методика находится на стыке с компьютерными науками, что расширяет арсенал регионалистов: помимо эконометрики, включаются машинное обучение, обработка естественного языка, анализ больших данных. Такой симбиоз обогащает и региональную науку, и область computational social science, демонстрируя ее применение для решения острых вопросов неравенства и благополучия.

Библиография

1. Манаева И. В. Качество жизни в российских регионах: эмпирический анализ // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 4. С. 71-92. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.5 EDN: PPQPJV.
2. Антипина О. Н., Миклашевская Н. А., Орлова Е. А. Критика макроэкономических индикаторов благосостояния и альтернативные подходы к его оценке // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2025. № 1. С. 19-39. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-2 EDN: VTDHCX.
3. Скачкова Л. С. и др. Экономика счастья: исследование об исследованиях // Journal of

- Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2023. Т. 15. № 3. С. 125-146. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.3.125-146 EDN: HPVWUD.
4. Жукова М. В., Крюков Д. В. Современный тренд развития экономики и общества: цифровое общество как особая стадия информационного общества // Society and Security Insights. 2022. Т. 5. № 2. С. 120-139.
5. Айсард У. Методы регионального анализа: Введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 683 с. (Isard W. Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science. MIT Press, 1960).
6. Портер М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 1993. 896 с.
7. Кругман П. География и торговля. Лувен: Leuven University Press, 1991. 156 р. (Krugman P. Geography and Trade. 1991).
8. Колсовский Н. Н. Избранные труды. М.: Изд-во МГУ, 2001. 320 с.
9. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002. 367 с.
10. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с. EDN: VNFDJX.
11. Митяков С. Н. Новые цели устойчивого развития России // Развитие и безопасность. 2023. Т. 1. № 17. С. 21-35. DOI: 10.46960/2713-2633_2023_1_21 EDN: YAZHLN.
12. Фаузер В. В. и др. Устойчивое развитие малых и средних городов российского Севера: обзор работ-подходы-практики // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2021. № 1. С. 41-57. DOI: 10.34130/2070-4992-2021-1-1-41 EDN: VBNJBJ.
13. Малышев А. А. и др. Оценка основных показателей качества жизни в условиях ухудшения качества экологии: межстрановое сравнение // International agricultural journal. 2021. № 6. С. 1037-1053. DOI: 10.24412/2588-0209-2021-10451 EDN: ZOIEDG.
14. Иваненко О. Б., Степанова А. О., Ковалев А. И. Тенденции цифровизации экономики России // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2021. Т. 10. № 2. С. 60-66. DOI: 10.24412/2225-8264-2021-2-60-66 EDN: LQKKFA.
15. Щекотин Е. В. Цифровые следы как новый источник данных о качестве жизни и благополучии: обзор современных тенденций // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 170-181. DOI: 10.17223/15617793/467/21 EDN: JPNJIY.
16. Чижик А. В. Городские эмоции и цифровое участие: моделирование мотивации к использованию городских сервисов на основе анализа тональности постов и комментариев в социальных сетях // International Journal of Open Information Technologies. 2024. Т. 12. № 12. С. 36-45. EDN: BAFNBA.
17. Кудров А. В. Влияние экономической сложности и отраслевой специализации на валовый региональный продукт регионов РФ // Бизнес-информатика. 2023. Т. 17. № 4. С. 25-40. DOI: 10.17323/2587-814X.2023.4.25.40 EDN: KEIRIX.
18. Федотов А. А. Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (часть первая) // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 2. С. 53-65. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.5 EDN: VJCREM.
19. Шкуропат А. В. Интегральные индексы как инструмент управления региональным развитием // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 6. С. 58-69. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-6-58-69 EDN: RKROTB.
20. Lyulyov O. et al. The heterogeneous effect of democracy, economic and political globalisation on renewable energy // E3S Web of Conferences. EDP Sciences, 2021. Т. 250. С. 03006. DOI: 10.1051/e3sconf/202125003006 EDN: QTRIYM.
21. Easterlin R. Does Economic Growth Improve the Human Lot? – In: Nations and

- Households in Economic Growth / P. A. David, M. Reder (eds.). New York: Academic Press, 1974. P. 89-125.
22. Layard R. Happiness: Lessons from a New Science. Penguin Press, 2005. 310 p.
23. Frey B. S., Stutzer A. Happiness and Economics: How the Economy and Institutions Affect Human Well-Being. Princeton: Princeton University Press, 2002. 246 p.
24. Chettri S. Gross national happiness: The interdependent domains of happiness // Handbook of happiness: Reflections and praxis from around the world. Singapore: Springer Nature Singapore, 2023. C. 129-171.
25. Porter M., Stern S., Green M. Social Progress Index 2014. Washington, DC: Social Progress Imperative, 2014. 104 p.
26. Marks N. et al. The Happy Planet Index 2.0: Why good lives don't have to cost the Earth. London: New Economics Foundation, 2009. 63 p.
27. OECD. How's Life? Measuring Well-being. Paris: OECD Publishing, 2011. 324 p.
28. Helliwell J., Layard R., Sachs J. (eds.) World Happiness Report 2012. New York: The Earth Institute, Columbia University, 2012. 158 p.
29. Доклад: Центр экономических исследований "РИА Рейтинг". Рейтинг регионов по качеству жизни – 2024. 2025. 20 с.
30. Эксперт РА, Фонд Росконгресс. Экономическое здоровье российских регионов: прогноз позитивный. Пресс-релиз исслед., 10.03.2020. Доступ: roscongress.org (дата обращения: 25.08.2025).
31. Росстат. Уровень жизни населения России: 2021. Статистический сборник. М.: Росстат, 2022. 150 с.
32. Чередниченко Г. А. Эпоха ЕГЭ и реформ в образовании (взгляд социолога) // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 3. С. 407-420. DOI: [10.52180/1999-9836_2023_19_3_8_407_420](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_8_407_420) EDN: NQFGBM. "

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемом исследовании выступает эволюция теоретико-методологических подходов к оценке социально-экономического благополучия регионов: в работе рассматриваются вопросы его оценки и измерения с использованием различных методов: от классических подходов до цифрового социального скоринга.

Методология исследования базируется на применении на анализе литературы, применении исторического прослеживания преемственности идей в рассматриваемой научной области, использовании сравнительного анализа для сопоставления ограничений традиционных индикаторов с преимуществами интегральных индексов и перспективами цифровых методов.

Актуальность работы обусловлена сохранением значительной дифференциации регионов по уровню жизни и социальным условиям и необходимостью совершенствования методов мониторинга для выработки региональной политики.

Научная новизна работы, по мнению рецензента, состоит в предложенном подходе к проведению социального скоринга, сочетающего экономический анализ с методами социальной науки, в совершенствовании инструментария региональной политики через учет сведений, поступающих напрямую от жителей, что соответствует глобальному тренду на повышение участия граждан и учета их мнения в управлении развитием территории.

Структурно в работе выделены разделы, озаглавленные следующим образом: Введение, Классические школы региональной экономики (У. Айсард, М. Портер, П. Кругман), Отечественная регионалистика (Н. Н. Колсовский, Н. Д. Кондратьев, Н. В. Зубаревич), Современные направления: устойчивое развитие и цифровизация, Методологические ограничения традиционных индексов развития регионов, Школы и индексы «экономики счастья» (Р. Истерлин, Р. Лейард, Б. Фрей, SPI, HPI, OECD BLI, World Happiness Report), Российская практика интегральных индексов развития регионов (РИА, «Эксперт РА», Росстат), Выводы, Заключение и Библиография.

В публикации проведен анализ эволюции теоретических и методологических подходов к оценке социально-экономического благополучия регионов, предприняты попытки выявления ограничений традиционных индикаторов, а также обоснования перспектив внедрения социального скоринга на основе цифровых данных и методов сентимент-анализа как дополнения к существующим интегральным индексам. Предлагаемый подход, по мнению авторов, позволяет осуществлять точный и оперативный мониторинг социальной стабильности и выявлять риски на ранней стадии, что напрямую связано с задачами обеспечения национальной и региональной безопасности. В статье использован научный стиль речи, но при этом ясный и доступный для понимания. Содержание публикации демонстрирует глубокую проработку авторами выбранной темы, это подтверждается обширным охватом источников — от фундаментальных экономических трудов до современных российских и международных исследований.

Библиографический список включает 32 источника – научные публикации российских и зарубежных авторов по рассматриваемой теме на русском и английском языках, а также интернет-ресурсы. В тексте публикации имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Тема статьи актуальна, материал соответствует тематике журнала «Национальная безопасность / nota bene», может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию.